ОГНЕННЫХ ТРИ ГОДА

Андриянову, работницу ПРБ сортопрокатного цеха, пригласили в подшефную школу. Анна Федоровна -фронтовик и должна была поведать ребятам, как ей сказали, «о своих фронтовых

Анна Федоровна не то, чтобы растерялась, но чувствовала себя неспокойно. Наверняка мальчишки и девчонки ждут от нее рассказа об убитых фашистах, о молниеносных операциях, о штыковых атаках и о пулях, что свистят над головой. Но ничего подобного с Анной Федоровной не слу-Она служила ралисткой при штабе полка, всегда находилась километрах в пятидесяти от передовой и в боях не участвовала. На память ничего героического не приходило.

Когда началась война, отправили Анну в деревню работать избачом, по-нынешнему — библиотекарем. Часто приходилось работать за почтальона, разносить повестки. Многих молодых девушек призывали в армию. И совестно стало Анне: ее ровесницы уходят, на фронт, а она, здорювая, молодая, разносит им повестки. Пошла в военкомат и попросилась в армию. Не сразу, но отпустили. Целый эшелон уральских девчат отправился из Челябинска в Горь-ковскую область. Там шесть месяцев училась курсант Андриянова в пулеметной школе. Барак, где жили девчата, до войны был кошарой. Ее наспех переделали, но во множество щелей дул ветер, утром на одеялах искрился снег, было холодно, как на улице. Каждую ночь поднимались по тревоге. Местность была болотистой, валенки часто промокали и леденели на ветру. Учеба подходила к концу, и многие девчонки радовались скорым переменам. Андриянову на фронт не отправили, ей снова пришлось учиться уже в школе радистов. Так стала Анна Федоровна ради-

Один день войны навсегда запомнился Андрияновой. Полк связи перебазировался в Румынию. На первой же станции попали под жестокую бомбежку. Станция была забита эшелонами. Рядом стояли вагоны с техникой и ранеными, с нефтью и снарядами. И главное, знали, что в полдень, как часам, прилетают фашистские бомбардировщики.

Это было несколько лет самого утра с тревогой азад. Анну Федоровну смотрели в небо. А как это страшно, смотреть в чистое мартовское небо и ждать, когда оттуда прилетит А потом взметнусмерть. лась земля, почернел снег и корежились в пламени железные стойки вагонов, и крики людей тонули в прохоте взрывов.

Радисты не знали, что они передают и принимают. Все телеграммы были зашифро-Но иногда приходилось разносить эти шифров Порой начальник вручал Анне наган, и тогда она знала, что телеграмма важ ная, брала наган и шла, часто ночью по незнакомым местам, вздрагивая от малейшего звука. Даже мужчины уставали на войне, а что говорить о девчонках которым не было и двадцати. И радости были у них девичьи: то блинов напекут

ну прекрасных цветов. Однажды в Австрии Анна проснулась ночью от стрельбы. Выскочила на улицу. Везде стреляют, лишь видны в темноте огненные вспышки. Думала, попали в окружение. / Оказалось — Побе

то сапоги по размеру полу-

чат, то наткнутся на поля-

Анна Федоровна еще раз перелистала военный билет, в котором были записаны ее награды: медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и «За оборону Советского Заполярья». Перелистала небольшую, карманного формата книжицу с надписью на первой странице «Участнику боев по разгрому группировки немецких войск в районе северо-восточнее озера Балатон сержанту А. Ф. Андрияновой». Эта книжица была своеобразной грамотой — благодарностью, подписанной Сталиным. На одной из страниц в глаза набранный жир бросился ным шрифтом абзац: «Войска фронта в этих боях взяли в плен более 6000 солдат и офицеров противника, уничтожили и захватили 145 танков и самоход ных орудий, свыше 800 ору дий и много другого вооружения».

Анна Федоровна припомнила свои ночные командировки с наганом на ремне, бомбежку и букет небывалых цветов, который она собрала где-то в Румынии, и решила: буду расскавывать все как есть, школьники поймут.

А. ВИНОКУРОВ.

БЫЧНО Зырянова приходит в конторку с каким-нибудь фокусом: выставится на высоком пороге и подарит новую частушку или начнет сыпать цеховые новости — не остановишь. распахнется Иной раз дверь, покажется синий берет на тугих кольцах каштансвых волос, белое с румяными щеками лицо. Она обведет сидящих лукавыми глазами навыкате и хрипло скажет: «Здрасте, бедолаги мои, холостяки беспризорподбоченые». И пойдет, нясь, по «аквариуму», как в шутку прозвали конторку за широкие окна, в которые бился плотный шум цеха.

Ольга Петровна, инженер по труду, молчаливая, вечно усталым лицом, завидев Зырянову, оживлялась, откладывала бумапи.

Справа от нее у окна, за маленыким столом, сидела экономист цеха, Зоя Беглова, задумчивая здевущка с чуть раскосыми глазами на смуглом лице. Она часто убирала за уши пряди черных волос и незаметно взглядывала на конструктора Киреева, склонившегося над чертежной доской.

Побасенки Зырянювой Зоя слушала педоверчиво. А Киреев истерпеливо передергивал плечами и склонялся над доской. Ha ero несколько сдавленном в висках лице с крутым подбороджом выделялся породистый нос, внушающий доверие к хозянну, и лишь маленыкая плешинка в русых волосах выдавала годы. Он считалюя толковым конструктором, был председателем цехового БРИЗа.

 Что запрустил, Платоша? Прими предложение. Кнопку для открывания ворот нужно и на другой стороне установить. А то я подъезжаю на мотороллере и бегу крупом на кнопку нажимать, чтобы ворота открылись. Разве это поря-DOK?

И что за надоедливая женщина, эта Зырьянова. возмущается про себя Киреев и пробегает тлазами заявку нового изобретения цехового эдисона. Любит наводить евои порядки, где бы ни работала. А работала и крановщицей, и шофером, и на мотовозе, а теперь вот на мотороллере. Развозила материалы и тяжелый инструмент по закоулкам цеха, куда не подходил мостовой кран. И все подмечала: то выбитое стекло, то щель в крыше. Тут же разыскивала плотника или слесаря, и, если попадался норовистый и посылал куда noдальше, не оставалась в долгу и вдобавок тащила к заместителю начальника цеха, стыдила за бесхозяйственность, и работяга хва-

сынок,

тал инструмент, делал все, лишь бы отцепилась чертова перечница»!

И еще она любила думывать разные штуковины и чуть ли не каждый день приносила Кирееву рационализаторские заявления. А попробуй откажи или затяни с ответом! И в цехком, и в партбюро, и к началынику цеха вызывать тебя будут. На каком основании глушишь инициативу рабочего?

Впрочем, у этой Зыряновой были и гениалыные предложения, как например, это, насчет кнопки. Сколько лет все обегали ворота, чтобы их открыть!

Зырянова с детским люболытством разглядывала знакомить, а то и свести. Но главное — была она грозой для разгильдяев и мозолью у начальст-

Только Киреев пытался не признавать ее авторитета и... расплачивался спокойствием.

 Так, так, — покачала головой Зырянова. — Значит, ненавидишь Ладненько. Вот будет собрание, Платоша, припечатаю тебя. Старая и больная женщина, скажу, совсем без рук осталась, а он не хочет какой-то паршивый блок нарисовать.

 Хватит! — сдался Киреев. — Нарисую вам этот булок.

В сердцах он сорвал с

— Может быть, а ее не переношу.

 Фыть,— свистнула из своего угла Зоя.— А я счигала тебя рыцарем, Платон. Мне кажется, у нее добрая душа. И вообще она оригинальна. Знаете, еду я както на работу и вижу - бежит по дамбе Валентина Ивановна. Такая сбитая, подтянутая. Не поверишь, что ей столько лет. Сбежала на берег, на ходу разделась и — в воду. Это сейчас-то, осенью! А вы заметили, какое у нее лицо? Розовое, упругое и почти без морщин.

 Это что, — усмехнулась Ольга Петровна. Валентина и зимой купается в проруби. Моржиха она.

чудачка Зырянова

Анатолий ЗАНИН =

чертеж на доске и жалова- доски незаконченный лась:

 Все рученыки себе повыворачивала. Попробуй затраноформаторы сварщиксв на мотороллер. Платоша, ты нарисовал блок, на какой я тебе давеча предложение принесла?

— Если по каждому вашему предложению чертежи разрабатывать, так мне сутками из цеха не вылезать,проговорил с усмешкой Киреев и тут же осекся, заметив, как сузились у Зыряновой глаза.

— И откууда ты взялся такой? — сказала она тихо, но Киреева прямо-таки обдало жаром. - Все в цехе меня уважают. Да, уважают! А вот нашелся один...

- Я вас вот как уважаю, Валентина Ивановна, — Киреев попилил себе горло ребром ладони. — Только зачем же кричать?

Он снял очки, принялся медленно их протирать. Без очков он выглядел молодым и симпатичным. Но его тон не понравился Зыряновой.

- Как же, уважаешь! обиженно упрекнула она. — По-за углами Валюхой чокнутой величаешь. Культурный инженер!

Над Зыряновой хотя и посменвались в цехе за то, что всюду суется и «каждой бочке затычка», но из года в год выбирали в цехком и обязательно председателем жилищно-бытовой комиссии. Помирить работнищу с мужем, устроить ребенка в детсад, «выбить» в завкоме комнату молодоженам, вытащить нерадивого «за ущко да на солнышко» было для Зыряновой той обязательной жизнью, за которую ее любили и прощали чудачества. К примеру, любила она сватать,

теж и прикрепил чистый лист. Быстрыми и ловкими движениями он циркулем легкие окружности. Зырянова следила за тем, как Киреев передвигал линейки кульмана, H BOCхищалась.

 Платошенька, я всегда считала тебя свойским парнем. И зря злишься. А все потому, что один маешься. Да я по себе знаю. Но наши женихи с войны не вернулись. А ты-то почему один? Чем вот Зоенъка плохая? И хозяющка, и характер, одним словом — золотце. Правда, Ольгушка? Это конечно, — вздох-

нула Ольга Петровна. Знаете что? — Киреев обвел женщин педовольным взилядом и только фырк-

— Не буду, не буду! Только ты, Платоша, подумай.

--- Что это вы говорите?--возмутилась Зоя, и ее личико заострилось, сделалось серьезным. — Зачем

Зырянова обняла Зою за плечи.

— Эти твои прически ни к чему, Зоенька. Он их не замечает, чуещь? Хошь, по-Он их не . Через две способствую? недели наш будет.

Возмутив спокойствие, Зырянова уходит.

Киреев вжикает кохиноровским карандацом и в конце концов не выдержи-

— Ваша подопечная, Ольга Петровна, совсем... того. — Нелепкая у нее жизнь сложилась, Платон Александрович. Надо ее понять. Все равно, вздорная,

вечно чудит. Послушайте, вы же не злой человек.

Давно ее знаете, Ольга Петровна? — спросила

- Вас еще на свете не было, кокда мы начинали строить этот завод. И мы с Валентиной были девчушками, а Валечка — самая красивая.

 Все равно, — упрямо пробубнил Киреев, но, встретив быстрый взгляд Зои, тут же примолк.

Он догадывался, что за ним следят с интересом. И эта догадка подбадривала, даже чуть кружила голову, но Киреев считал себя порядочным человеком, и у него была Леночка, с которой, кажется, начинался серьезный роман.

Все прое углубились в работу.

Киреев быстро вычерчивал консольный блок для Зыряновой, а в душе по-смеивался над ней. Наверно, в каждом коллективе есть свои чудики. Все люди как люди, в одной шеренте идут и не высовываются, а попадется вот такая, с вывертами... Суется всюду, сбивает людей с ритма.

Зоя никак не могла понять свое отношение к Зыряновой. В душе она жалела эту женщину, у которой ни семьи, ни родных. Но вот эта «несчастная» предложила ей помощь. какая она неочастная? Вон какая бодрая и веселая. А может, все это напускное? Говорили, что в молодости у Зыряновой была несчастная любовь, и неужели возможно всю жизнь прожить вот так, одними воспоминаниями? Верно Платон говорит: «Она умеет держать себя в руках».

(Продолжение следует)

Прочтите детям

Леонид ЧЕРНЫШОВ

КАК СПАСЛИ СЕСТРЕНКИ БРАТА

Мишка плюшевый дремал, С подоконника упал. Подбежали куклы к Мише, А бедняга еле дышит. Миша, миленький, очнись! Что с тобою, отзовись! Стали куклы хлопотать, Стали брата выручать.

И водою отливали, И давали лимонад, И купили мармелад, И медком его кормили, И лекарствами поили, Грелку сунули под мышку — И спасли сестренки Мишку.

На руках его качали

я очень КОСМОНАВТОМ БЫТЬ ХОЧУ

Сынишка-школьник

маме говорил:

быть решил. Мне снился сон...

В ракете я лечу. Я очень космонавтом быть хочу! - А кто тогда, ответь-ка мне,

Вчера на тройку выучил урок?

Но мама,

я вчера хоккей смотрел, Не очень космонавтом быть хотел.

ВСЕМ ПРИШЛА ПОРА УЧИТЬСЯ

В школу едут обезьяны, Бегемоты, пеликаны, Заяц, волк, медведь, лисица — Всем пришла пора учиться. Потому что не секрет,

Знают все: ученье - свет. Ну, а крот сказал: - Учиться?

Нам арбуз купила мама,

Весил он три килограмма.

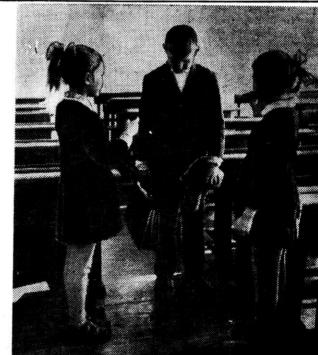
В норке свет не пригодится.

кот и арбуз

Пол-арбуза съел Алешка, Потому что сладкоежка. Я дала коту кусочек: - Ешь, арбузик сладкий очень! Лапкой кот его потрогал И пошел своей дорогой. Васька наш не сладкоежка. Кот Василий — мясоежка.

— Я вижу слезы,—

дед сказал.-Ты с кем подрался, внук? Не обижал меня никто, Я просто резал лук. Но на рубашке у тебя Есть кровь — от драки след. А, может, краску ты пролил? Так краски в доме нет.

Неприятный разговор. Фотоэтюд Ю. Попова.